

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы
я остался бедным

•

Весна в Париже

•

Сильнее денег

•

Перстень Борджиа

•

Шутки в сторону

•

Дело о наезде

•

Запах денег

•

Карьера убийцы

•

Он свое получит

•

Весь мир в кармане

•

Ты за это заплатишь

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ТЫ ЗА ЭТО
ЗАПЛАТИШЬ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

**ТЫ ЗА ЭТО
ЗАПЛАТИШЬ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

1

Мне рассказывали, что Парадиз-Палмз — недурное местечко, но, увидев его воочию, я был ошеломлен. Здесь было так красиво, что я остановил «бьюик» и изумленно разинул рот.

Городок стоял на берегу полукруглого залива с милями золотистых пляжей, пальмами и зеленым океаном. Дома с красными крышами и белыми стенами выстроились плотными рядами. Обсаженные деревьями проспекты тянулись в город с четырех сторон. Цветочные бордюры украшали тротуары. Улицы пестрели от всевозможных тропических цветов, деревьев и прочей растительности, и все вместе это походило на воплощенную мечту в красках цветного кинематографа. От пестроты рябило в глазах.

Налюбовавшись на цветы, я сосредоточил внимание на женщинах, которые катили мимо в больших шикарных авто, прогуливались по тротуарам и даже ехали на велосипедах. Они были прямо как из шоу Эрла Кэрролла¹. Все до единой едва прикрыты одеждой. Сто лет у меня не было такого пиршества для глаз.

¹ *Эрл Кэрролл* (1893–1948) — бродвейский режиссер и продюсер, в постановках которого участвовали полуобнаженные актрисы и танцовщицы. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Лучшего начала отпуска и придумать невозможно. А ради этого я сюда и приехал: в отпуск. Четыре месяца, проведенных в игорных заведениях Нью-Йорка, оказались чертовски тяжелыми. Я решил, что, как только заработаю не меньше двадцати кусков, устрою себе отпуск со всеми положенными удовольствиями. Когда у меня скопилось пятнадцать тысяч, я уже был готов все бросить, однако каким-то чудом не сорвался, несмотря на мешки под глазами, пару пулевых ранений и толпу конкурентов. Невозможно заработать двадцать тысяч, не нажив при этом врагов. Я нажил немало. Дошло до того, что я ездил на бронированной машине и устилал пол вокруг кровати газетами, чтобы никто не подкрался ко мне, не разбудив, а пистолет я не выпускал из рук даже в ванной.

Я заработал нужную сумму и репутацию. Говорили, что я выхватываю пушку быстрее всех на свете. Может, и так, просто я никому не признавался, что упражняюсь в этом деле по два часа в день в любую погоду. Мне доводилось убивать людей, но убийства не были умышленными. Даже копы это признавали, а уж им-то виднее. Во всех случаях я убивал, только удостоверившись, что противник набросился первым, и у меня всегда имелись свидетели, готовые это подтвердить. Я так насобачился, что успевал выхватить пистолет и выстрелить раньше, чем мой противник нажимал на спусковой крючок. Это требовало множества усилий и тяжелой работы над собой, но я не отступал, что приносило свои дивиденды. Меня даже ни разу не арестовали.

Я заработал нужную сумму, купил «бьюик», и вот я в Парадиз-Палмз, готов наслаждаться отпуском.

Пока я глазел на женщин, ко мне подошел патрульный. И даже отдал мне честь.

— Здесь нельзя парковаться, сэр, — сказал он, опустив ногу на подножку моего «бьюика».

Только представьте себе: коп говорит мне «сэр».

— Я только что приехал, — пояснил я, заводя мотор. — Прямо дух захватывает. Боже! Вот уж зрелище так зрелище.

Коп усмехнулся.

— Пробирает до самых кишок, да? — сказал он. — Когда я только сюда приехал, то и дело разевал рот.

— Еще бы, — согласился я. — Только посмотрите на этих дамочек. Такое ощущение, что у меня вдруг открылось рентгеновское зрение, о каком я всегда мечтал. Боюсь отвести взгляд — как бы чего не упустить.

— Вот еще посмотрите на них на пляже, — мечтательно проговорил коп. — Стеснения в них ни на грош.

— Такие-то женщины мне и нравятся.

— Мне тоже, — согласился коп, покачав головой, — но толку-то: лишь глаза болят и шея деревенеет.

— Вы хотите сказать, что они такие неприступные?

Он присвистнул.

— Да проще рояль в одиночку передвинуть.

— Я здорово двигаю рояли, — заявил я и тут же спросил, где находится отель «Палм-Бич».

— Отличное местечко, — со вздохом заметил он. — Вам там понравится, и еда отменная. — И он рассказал, как туда доехать.

Минуты через две-три я был уже в отеле, и оказанный мне прием понравился бы даже Рокфеллеру. Толпа коридорных подхватила мой багаж, кто-то отогнал «бьюик» в гостиничный гараж, еще пара этих эльфов, облаченных в фантастические голубые с золотом одежды, были готовы на руках вознести меня по ступеням, если бы я им позволил и если бы им хватило сил.

Портье за стойкой расстарался вовсю, разве что не пал ниц и не стукнул лбом об пол.

— Мы счастливы приветствовать вас в нашем отеле, мистер Кейн, — сказал он, протягивая мне регистраци-

онный бланк и ручку. — Ваши комнаты готовы, но если вдруг вам не понравится вид из окна, только скажите.

Я не привык к подобным нежностям, однако сделал вид, что привык. Я весьма придирчив к видам, заявил я, и этому лучше бы оказаться достойным.

Он таким и оказался. У меня имелись собственный балкон, гостиная и спальня с ванной комнатой в духе Сесила Би Демилля¹.

Я вышел на балкон и окинул взглядом пляж, пальмы и океан. Фантастическая панорама. А повернув голову налево, я заглянул в окна других номеров отеля. В первом же окне меня ожидало отличное пип-шоу, какие встречаются иногда на окраинах Нью-Йорка, только это было классом повыше. Дамочка была сногшибательная. В руках она держала гантели. По-видимому, она считала, что заниматься гимнастикой полезнее в голом виде. Она заметила меня и скрылась из виду, но прежде ее улыбка сказала мне: «Мы можем неплохо провести время вдвоем, парниша».

Я сообщил портье, пришедшему вместе со мной, что вид восхитительный.

Когда он ушел, я вернулся на балкон в надежде еще раз увидеть гантели, но больше мне их не показали.

Я простоял на балконе минуты три, когда зазвонил телефон. Я поднял трубку, подумав, что кто-то, наверное, ошибся номером.

— Мистер Кейн?

Я признал, что, насколько мне известно, это так.

— Добро пожаловать в Парадиз-Палмз, — продолжал голос в трубке: сочный, насыщенный баритон с итальянским акцентом. — Говорит Сператца. Управля-

¹ *Сесил Блаунт Демилль* (1881–1959) — американский кинорежиссер и продюсер, для творчества которого была характерна помпезность. За сцены, снятые в богатых гостиных и роскошных ваннах, он получил от критиков прозвище «поэт ваннных комнат».

ющий казино-клубом. Надеюсь, вы заглянете к нам. Мы о вас наслышаны.

— В самом деле? — проговорил я, польщенный. — Чудесно. Конечно, с удовольствием загляну. Я в отпуске, но все равно играю.

— У нас здесь весьма недурное заведение, мистер Кейн, — сказал он, так и сочась благожелательностью. — Вам понравится. Может, сегодня вечером? Вам удобно?

— Несомненно. Я зайду.

— Спросите меня, дона Сператцу. Я прослежу, чтобы вас приняли как следует. Девушка у вас есть?

— В данный момент нет, но здесь, кажется, полным-полно красоток.

— Только не все они сговорчивы, мистер Кейн, — рассмеялся он. — Я найду вам такую, которая понимает толк в обхождении. Мы хотим, чтобы вы хорошо провели у нас время. Нечасто у нас бывают такие знаменитости. Вопрос с девушкой я решу сам. Вы не разочаруетесь.

Я сказал, что это очень мило с его стороны, и повесил трубку.

Минут через десять телефон зазвонил снова. На этот раз в трубке зазвучал бас, сообщивший, что он принадлежит Эду Киллеано. Я не знал никакого Эда Киллеано, но сказал, что рад его звонку.

— Я узнал, что вы в городе, Кейн, — продолжал голос. — Хочу, чтобы вы знали: мы рады вашему приезду. Если вам что-нибудь понадобится, только скажите — я сделаю все, чтобы вы остались довольны. Вам скажут в отеле, где меня найти. Хорошего отдыха. — И не успел я придумать ответ, как он уже повесил трубку.

Я не смог удержаться, позвонил вниз и спросил, кто такой Эд Киллеано. Мне сообщили, понизив голос,

что это глава города. О нем говорили так, словно речь шла о Джо¹ Сталине.

Я поблагодарил и вернулся на балкон.

Солнце сияло над золотистым пляжем, океан мерцал, пальмы склоняли макушки под легким бризом. Парадиз-Палмз по-прежнему выглядел изумительно, но у меня закралось сомнение, не слишком ли все хорошо, чтобы быть правдой.

Я нутром чуял, как что-то назревает.

2

Движение на Оушен-драйв было плотное, и я ехал очень медленно. В носу у меня стоял соленый запах моря, а в ушах — неумолчный рокот прибоя.

Был такой вечер, о каком пишут в книжках. Звезды сверкали на синем бархате неба алмазной пылью.

Через два квартала я оказался в освещенном проезде, который вел к большому строению с одним из этих невероятных фасадов из мрамора, или стекла, или фарфора, или бог знает чего еще — что-то бледно-голубое с крупными буквами «Казино» на карнизе над первым этажом. Все здание было подсвечено, и в целом впечатление складывалось самое лучшее.

Латунные пуговицы на униформе чернокожего швейцара блестели в свете фонарей. Он открыл мне дверцу «бьюика», а еще один чернокожий шагнул вперед, чтобы отогнать машину в гараж.

Я вошел под голубой навес и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого были двери отдельных обеденных кабинетов с номерами. Коридор заканчивался аркой, перед которой стояла будка, а в ней сидела блондинка, выдававшая номерки на шляпы.

¹ Рузвельт и Черчилль между собой называли Сталина «дядюшкой Джо»; американская пресса тоже использовала это прозвище.

— Вашу шляпу, мистер? — проговорила она в нос.

Я пожирал ее глазами. На ней был небольшой корсет из плотного небесно-голубого атласа: две половинки ткани, свободно стянутые черным шелковым шнурком. Под корсетом явно не было ничего. От нарядов подобного рода в пот обычно бросает всех, кроме его обладательницы.

Я отдал ей шляпу и дружелюбно осклабился.

— Какая у вас открывается панорама, — галантно произнес я.

— Если однажды вечером никто не отпустит шутку по этому поводу, я просто скончаюсь, — парировала она со вздохом. — Эта панорама — часть моей работы.

Я закурил сигарету, а потом спросил:

— А перспективы у панорамы имеются?

— Ни малейших. С годами подобные шуточки приедаются.

— Прошу прощения, — сказал я. — Меня не часто заносит в такие заведения. Я домосед, а мы, домоседы, несколько старомодны и отстаем от жизни.

Она оглядела меня с головы до пят и решила, что я безопасен.

— Меня вполне устраивает, — сказала она с улыбкой. — Люблю разнообразие. Беда здешних мужчин в том, что они словно отлиты по одной форме.

— Но ведь наверняка кто-то из них отлит лучше других? — заметил я.

Она хихикнула. Подошли три человека, чтобы сдать шляпы, и я неспешно двинулся через арку в ночной клуб, интерьер которого стоило увидеть: отделка в пастельных тонах, рассеянный свет, у одной стены барная стойка в форме полумесяца. Зал был потрясающий, с эстрадой для оркестра и небольшой танцплощадкой, сделанной из какого-то материала, похожего на черное стекло. И повсюду, вокруг танцплощадки и в синих кабинетах с хромированной отделкой, росли банановые

деревья с широкими зелеными листьями, увешанные гроздьями зеленых же бананов. По стволам деревьев вились лианы, усыпанные нежными цветками, розовыми, оранжевыми и красновато-коричневыми. Крыши над половиной зала не было, и над головой мерцали звезды.

Ко мне подошел какой-то толстяк и оскалился, вероятно выражая свою радость от встречи. Он был в лакированных туфлях и темных брюках, в белом пиджаке, стилизованном под китель, и с винно-красным кушаком.

— Я к Сператце, — сказал я.

Он продемонстрировал мне все зубы до единого, включая пару золотых коронок.

— Я здесь управляющий, — сообщил он. — Могут чем-нибудь помочь?

— Да, — сказал я. — Позовите Сператцу. Передайте ему, что пришел Честер Кейн.

Если бы я заявил, что я король Георг VI, то и тогда его поведение изменилось бы не так стремительно.

— Тысяча извинений, не узнал вас, мистер Кейн, — проговорил он, сгибаясь пополам. — Синьор Сператца будет в восторге. Ему немедленно доложат о вашем прибытии.

Он развернулся и бешено замахал разодетому болвану рядом с барной стойкой. Тот сорвался с места с такой скоростью, словно в штанах у него тлела шутиха. Все это было заранее отрепетированной процедурой, приемом по высшему разряду, и он впечатлил меня именно так, как и должен был впечатлить.

— Милое тут у вас местечко, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

Слушал я его не очень внимательно. Мое внимание было поглощено женщинами в зале. Там было на что посмотреть. На таких красоток даже лошадь бы оглянулась. Я как раз собирался сказать очередной ком-

плимент заведению, когда мимо меня прошла брюнетка в красном платье. У меня перехватило дыхание. Никогда в жизни не видел такой дразнящей походки. Ее бедра были обтянуты красным шелком так туго, что от любого движения по ткани шла легкая рябь. Плоть перетекала под платьем, словно густая, искуссительная жидкость, словно расплавленный металл.

— Мы надеемся, вам понравится у нас, мистер Кейн, — говорил толстяк таким тоном, словно лично подсуетился и построил это здание, услышав о моем приезде. — Наверное, нужно представиться. Гиллермо, к вашим услугам. Не желаете ли выпить?

Я отклеил взгляд от бедер той женщины и сказал, что рад познакомиться с ним и выпить было бы недурно.

Мы подошли к бару, сели, водрузив ноги на изящную латунную подножку. Барная стойка сверкала чистотой, однако бармен быстрым механическим движением вытер ее, не сводя взгляда с Гиллермо.

— Что будете? — спросил Гиллермо.

— Наверно, немного бурбона, — сказал я.

Бармен налил на три пальца самого лучшего бурбона, какой мне когда-либо доводилось пробовать. Я сообщил об этом вслух.

В этот момент рядом со мной остановился мужчина с великолепным торсом.

— Синьор Сператца, — представил его Гиллермо, после чего исчез со сцены.

Я обернулся и оглядел вновь прибывшего. Он был наделен всеми достоинствами, о каких только может мечтать мужчина. Огромный, как дом, черные глаза с яркими, словно фарфоровыми, белками. Волосы довольно длинные, слегка волнистые на висках. Лицо смуглое, с румянцем. Настоящий красавец латиноамериканского типа.

— Мистер Кейн? — произнес он, протягивая руку.

— Точно, — сказал я, пожимая руку.

Хватка у него была медвежья, но и у меня не хуже. Мы мяли друг другу кости, прикидываясь, будто нам нисколько не больно.

Он сказал, как счастлив со мной познакомиться, и выразил надежду, что мне понравится в Парадиз-Палмз.

Я восхитился вслух его заведением и сообщил ему, что ничего подобного нет даже в Нью-Йорке. Кажется, он остался доволен.

К этому времени я уже успел допить бурбон, и он подозвал бармена.

— Два, — сказал он. — Внимательно посмотри на мистера Кейна, я хочу, чтобы ты запомнил его. Все, что он пожелает, — за счет заведения, это распространяется и на его друзей.

Бармен кивнул, быстро окинув меня взглядом с головы до ног, и я понял, что он никогда не спутает меня ни с кем другим.

— Все хорошо? — поинтересовался Сператца, сияя улыбкой.

— Шикарно, — сказал я.

— Мне неизвестно о ваших планах, мистер Кейн, — продолжал он, когда мы глотнули бурбона, — но если хотите немного отдохнуть и сыграть по маленькой, лучшего места вам не найти.

— Именно об этом я и мечтаю, — сказал я. — Мне хочется тишины и покоя, а еще небольшую компанию, когда я в таком настроении. — Я повертел стакан с бурбоном и продолжил: — Не хочу показаться неблагодарным, но, откровенно говоря, я слегка сбит с толку оказанным мне вниманием.

Он рассмеялся.

— Какой вы скромник, мистер Кейн, — сказал он, пожимая плечами. — Но даже в нашем маленьком городке на краю вселенной мы наслышаны о вас. Мы

счастливы оказать гостеприимство такому удачливому игроку.

— Я это ценю, — заверил я, бросив на него тяжелый взгляд. — Но мне бы хотелось все прояснить. Я в отпуске, а это значит, что я не работаю. Меня не интересуют никакие предложения. Не знаю, будут ли мне что-либо предлагать, однако вся эта суэта немного чрезмерна. Я не тешу себя мыслью, что я настолько важная персона. Так что шепните об этом кому надо. Я здесь исключительно ради отдыха, и всякие уговоры выводят меня из себя. Впрочем, если вы по-прежнему готовы меня привечать — валяйте, но я не расстроюсь, если вы прикроете лавочку и отправите меня восвояси.

Он от души рассмеялся, словно я отмочил самую забавную в мире шутку.

— Обещаю вам, мистер Кейн, вам не будут поступать никакие предложения. Городок у нас небольшой, но зажиточный. Мы гостеприимные люди. И нам нравится, когда особенные гости хорошо проводят у нас время. Мы хотим лишь, чтобы вы отдохнули и повеселились.

Я поблагодарил и пообещал, что так и сделаю.

Однако, несмотря на его складные речи и непринужденный смех, у меня осталось ощущение, что он глумится надо мной.

3

Мы еще немного поболтали и пропустили еще по глотку бурбона, Сператца высказал предположение, что я не прочь повеселиться, и как насчет девочки?

— А что насчет девочки? — спросил я.

— Я попросил мисс Уандерли позаботиться о вас, — сообщил он мне, демонстрируя крупные белые зубы в многозначительной улыбке. — Схожу за ней. Если она окажется не в вашем вкусе, скажите сразу, и я позна-

комлю вас с кем-нибудь еще. На нас работает много девушек, однако мисс Уандерли котируется особенно высоко.

Я выразил надежду, что тоже выставлю мисс Уандерли высший балл.

— Я удивлюсь, если будет иначе, — отозвался он и, благодушно улыбаясь, пошел через ресторан.

Я глядел ему вслед, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем он или тот, кто стоит за этим торжественным приемом, потребует платы. Я нисколько не сомневался, что кто-то умасливает меня, чтобы затем что-то с меня стясти.

На меня поглядывал высокий, видный мужчина с седыми волосами и резкими чертами смуглого лица. Он стоял в одиночестве на другом конце бара. Внешне он напоминал судью, или врача, или адвоката, а смокинг сидел на нем так безупречно, словно его кроил ангел.

Я видел, как он поманил к себе бармена и что-то сказал ему. Бармен бросил на меня быстрый взгляд, кивнул и отвернулся. Седоволосый направился ко мне.

— Насколько я понимаю, вы Честер Кейн, — произнес он отрывисто.

— Верно, — сказал я.

Дружелюбия он не выказывал, и потому я не стал протягивать ему руку.

— Я Джон Херрик, — представился он, глядя на меня в упор. — Вы обо мне не слышали, зато я наслышан о вас. Честно говоря, мистер Кейн, я не рад видеть вас здесь. Насколько я понимаю, вы в отпуске, и я лишь надеюсь, что это окажется правдой. Если так, вы, наверное, не затеете никаких безобразий.

Я вытаращился на него.

— Слава богу, хоть кто-то мне не рад, — сказал я. — А то я уже начал верить, будто меня приветствуют от души.